Есть некий неописуемый ужас, который приходит, когда смотришь, как сын бросается на врага, не испытывая ничего, даже отдаленно похожего на страх. Зигфрид шел один, ведомый вперед только богам известно чем, в то время как остальные бойцы образовали стену щитов перед ним. Лучники стояли позади них, целясь, пока их поднимали оставшиеся мужчины. Это была сильная позиция. Оборонительная позиция. И все же Зигфрид ринулся вперед, навстречу врагу, когда тот бросился на него.

Словно волна, разбивающаяся о камень, они обрушились на его сына.

Часть его души была в ужасе от того, что он сейчас увидит смерть своего любимого сына. Другая его часть была горда так, что словами не передать. Ведь за всю свою жизнь он никогда не видел, чтобы мужчина сражался так, как его сын. Одним взмахом Зигфрид отрубил наконечник копья, которое мерцало, как змеиный язык, а затем двинулся вперед: край его щита врезался в горло саксонского воина, сокрушив его, и двинулся дальше, чтобы одним ударом топора разбить щит, вонзая топор в грудь другого воина.

Его сын нес смерть врагу. Каждое движение было либо убийственным ударом, либо подготавливало к нему. Это было почти красиво. Нет, это было нечто прекрасное - с луной и звездами над головой, тот небольшой свет, который они давали, заставлял воду и кровь слабо светиться, позволяя всем наблюдать за великолепием его сына. Они смотрели, как его сын продвигается по мосту, убивая саксов на всем пути.

Один всадник вырвался вперед, но получил удар топором Зигфрида по голове. Он замертво упал на землю, заставив Зигфрида подобрать топор одного из павших врагов.

С его помощью он убил воина. Одним взмахом он попал мужчине в ключицу, перерубил ребра, словно они были мягким хлебом, а затем перерубил позвоночник и рассек его насквозь. За все свои годы Эрик никогда не видел ничего подобного. Он был членом хирда Хоррика с самого детства. Он сражался в гораздо большем количестве битв, чем мог вспомнить, но никогда не видел ничего подобного своему сыну.

- Боги будьте милостивы, - пробормотал Хоррик, наблюдая за тем, как его мальчик продолжает продвигаться вперед. Прошло всего несколько секунд, а уже было убито несколько человек. Эрик посмотрел на своего старого друга и увидел, что тот обдумывает ситуацию и их положение. Затем он пришел к тому же выводу, что и Зигфрид в начале битвы. - Вперед! Вперед! Мы должны прорваться! - крикнул он, и Эрик бросился вперед на помощь своему сыну.

Зигфрид уже почти достиг другой стороны моста и не проявлял никаких признаков замедления. Враги, оставшиеся в живых, сгрудились вместе, создав стену из тел. Не совсем стена щитов, но этого было достаточно. Сердце Эрика замерло в груди, когда они навалились

на его сына, пытаясь одолеть его. Эрик никогда не двигался так быстро, как в тот момент, когда его сын ненадолго исчез, окруженный саксами.

Он врезался в их ряды, из его горла вырвался яростный вой, когда он так глубоко вонзил свой топор в сакса, что им пришлось бы похоронить его вместе с ним. Отпустив его древко, он ударил кулаком, зацепив одного из них за голову, а затем появился Зигфрид и вонзил топор ему в горло.

Его мальчик был ранен, но невозможно было определить, сколько крови принадлежит ему, а сколько - его врагам. Его датский топор был утерян, и теперь он орудовал двумя бородовидными топорами со смертельным мастерством. Многие саксы лежали мертвыми у его ног, и хотя его окружили, им не удалось убить его. Эрик закричал, позволяя своей ярости от того, что они посмели ранить его мальчика, течь по его венам, пока он сражался. Остальные воины врезались в оставшихся саксов, когда началась настоящая битва. Зигфрид упорно стремился быть на острие копья, пробиваясь туда, где бой был наиболее ожесточенным, и убивая всех, кто вставал на его пути.

Из завесы ночи вышло добрых сорок саксов. Эрик был уверен, что его сын в одиночку убил как минимум их треть.

- Раххх! - прорычал Зигфрид, одним топором отводя наконечник копья, а другим отсекая саксу голову. Внезапно он дернулся назад, мимо него просвистела стрела и вонзилась в незащищенный фланг одного из их воинов. Тот упал на землю, когда Эрик убил человека, выплеснув его кишки своим топором. Зигфрид метнул один из топоров, попав лучнику в голову с расстояния более двадцати фавнов, а затем метнул другой топор, чтобы сбить всадника, который скакал вокруг, выкрикивая приказы на их иностранных языках.

Тот упал с топором в плече, тяжело приземлившись. И с падением своего вождя саксы сломались. Некоторые бежали, оставив своих братьев по оружию умирать от их рук. В считанные минуты битва была закончена, и Эрик откинул голову назад, чтобы закричать в триумфе.

- Убейте раненых, - приказал Хоррик, хлопая людей по плечу, пока они оценивали свои раны и потери. Из пятидесяти человек, которые плыли с ними, они потеряли десять во время нападения на деревню и внезапной атаки после. Еще трое не доживут до утра, а пятеро, похоже, получили ранения разной степени тяжести. То есть, по сути, у них оставалось тридцать бойцов.

- Нам понадобятся рабы, чтобы помочь с греблей, - заметил Эрик. На три корабля требуется по дюжине гребцов на каждый. Хоррик кивнул.

- Мы отплываем немедленно. Соберите рабов - мужчин и женщин, детей оставьте. Они только замедлят наше движение. Как только мы окажемся в безопасности, мы принесем жертву богам за эту победу! - крикнул он, заслужив громкое одобрение мужчин. Это также будет временем, когда они позаботятся о своих мертвых. Понизив голос, он обратился к Эрику: - Твой мальчик благословен, Эрик. Боги, я не могу представить, каким он будет, когда вырастет. В одиночку он убил почти два десятка человек.

Эрик кивнул, бросив взгляд на своего мальчика. Он был высок для своего возраста, но все еще ниже, чем полностью взрослый мужчина. Он продолжал расти и расти. Все признаки указывали на то, что он будет равен ему по росту.

- Я всегда боялся, что он будет слишком мягким для битвы, - признался Эрик. Так он сказал Зигфриду - мальчик был в некотором роде мягок. Когда он впервые убил оленя, то плакал, как маленькая девочка. Рыдал до тех пор, пока не выбился из сил и не уснул.

Время закалило его, но он все еще оставался мягким. Выражение его лица, когда он увидел, как его ярл утаскивает женщину, сказало ему все, что нужно было знать. Эрик боялся, что его сын будет колебаться в бою. Что он дрогнет, когда победа будет добыта ценой крови. Но он не дрогнул. Даже близко нет.

- Он станет ужасом на поле боя, - сказал Хоррик, и Эрик понял, что Зигфрид получил его милость. Возможно, в качестве члена его хирда. Это была бы хорошая жизнь для Зигфрида - быть телохранителем ярла.

- Боги, да он уже им стал.

Эрик посмотрел на сына, который проверял свои раны и обнаружил, что они легкие. У него останется несколько шрамов после первой битвы, но ничего такого, что могло бы помешать его мастерству в бою. Учитывая, что он был окружен...

- Он никогда не показывал такого со своими братьями. Он всегда был прекрасным бойцом, но... Я не знал, что он способен на такой подвиг, - признался себе Эрик, когда Зигфрид начал доставать свои топоры. И кольчугу, которую он не удосужился надеть.

http://tl.rulate.ru/book/102321/3565062